

Владимир ТАЙХ

"Жил певчий дрозд"

Гарик, Григорий Леонидович Дивинский, был сыном директора Театра Красной Армии и красавицы Любови Израилевны (Любочки Дивинской, как ее называли в этом городе — известного адвоката с золотыми устами). Отца его я не видел, он погиб вскоре после нашего знакомства с Гарькой.

Его отцу, высокому красавцу в неизменной гимнастерке с погонами будто бы полковника, не суждено было дожить до сорока. Рассказывали, что он, уже не мальчик, никак не мог привыкнуть к необыкновенной красоте своей жены, был уверен, что ее нужно завоевывать снова и снова. Неудачное салто на пляже или в море, у берега, лишило его жизни. Сам Гарик никогда не рассказывал о своей семейной трагедии.

Жили они на Греческой, во дворе театра, на втором этаже. В подъезде при входе на полу плитками выложено "SALVE", барская лестница, в квартире — всегда темный коридор, две, насколько помнится, комнаты, балкон, выходящий в самый центр двора, перед балконом — несколько высоких деревьев.

Мы заходили во двор и по одесской привычке орало: "Гарик!" На балкон выходила Стелла, его младшая сестра, девочка, похожая на мать. Тонкая, редкой красоты и с весьма острым язычком. Она напоминала героиню модных в те годы фильмов итальянского неореализма.

С балкона она развлекала нас репортажами о процессе подготовки брата к выходу. Поболтав с ней о том, о сем несколько минут, спрашивали:

— Ну что, он уже выходит?

— Еще не выходит, но сдвиги есть. Ходит по комнате в трусах и чешет затылок.

— Ну, тогда мы пошли. Пусть ловит на Дерибасовской.

— Не уходите, он уже ищет носки.

— Гарик! — кричим. — Кончай чухаться, через минуту уходим!

— О, нашел носки, натягивает брюки. Может, вместо него возьмете меня? Я люблю шоколадное мороженое и гулять с такими нарядными юношами. Берете?

— Да ты что? Тебя украдут, а мы отвечаем! Да и мороженое сегодня какое-то бледное — выдать, какао пожалели.

— А ты, Вильям, держи меня за руку, не украдут.

— На Дерибасовку? За руку? Несовершеннолетнюю? Да меня завтра же или посадят, или заставят жениться.

— Когда-нибудь ты здорово пожалеешь. Во, снял рубаху, ищет другую. Ты что сложил руки, мне прыгать? Знаю я тебя! Прыгну, а ты убежишь. А мне еще, может, в итальянских фильмах сниматься. Надевает туфли, ругается. Пошел... Ну вот, вышел. Гарька, ты ключ взял? Вил, забери у него ключ, потеряет. Гарик, ты думаешь, что надел носки? Вон они, у двери (мы уже шли к арке ворот).

Из ворот налево — Театр Красной Армии, с ним стена к стене — Русский театр им. Иванова. Сколько и у кого ни спрашивали, кто этот Иванов, в ответ слышали только шутки типа "герой пьесы Чехова". Мы движемся вперед к темнеющему круглому дому на Греческой площади, поворачиваем налево, и в нос шибает мощное амбре от знаменитого туалета в старинной трамвайной станции. До него метров пятьдесят, за ним — Дерибасовская.

Главная улица выходящих из темного переулка слепит лампочками. Слева — новый кондитерский магазин "Золотой ключик". Пока ребята выбирают, какие взять леденцы или карамельки, быстро покупаю по 100 граммов ирисок и новых модных "морских камушков", бегу быстро в темноту.

— Ты что вернулся?

— Мороженое только белое. Брось газетку. Закину тебе "камушки" и "Золотой ключик". А то хилые кульки рассыпаются.

— О, бабушка любит ириски!

— Давай быстрее, ребята ждут.

С Гарькиной бабушкой у меня были особые отношения. Любовь. Взаимная. Мне передавали самое значительное высказывание ее жизни, сохраняя при этом особенности ее голоса:

— Выля Тах — хорошенький мальчик. Что ни дам, все съест.

С Дивинским я познакомился 60 лет назад. Жизнь! Пять лет в одном классе 43-й школы, пять лет в одной группе Политехнического института. Последнее не совсем точно. Третий или четвертый курс ему пришлось пройти дважды, но он не уходил ни из нашей дружки, ни из нашей компании. А потерял он год по случаю его второго исключения из института.

Исключали его вполне законно, а вот восставившись он "по блату": тогдашний министр иностранных дел в Киеве Паламарчук был другом родителей. В первый месяц учебы в ОПИ со всех студентов из стипендии вычли по 75 рублей за обучение (7.50 в ценах 1961 года и последующих). Гарик не получал стипендию, он получал пенсию за отца. Не получающих стипендию предупредили, вывесив в углу темного вестибюля лист папирозной бумаги с пробитыми насквозь буквами. Сами понимаете: кто читал эти бледные дырявые бумажки? Исключили с десяток злостных неплательщиков. И поделом! Второе исключение связано с военной кафедрой. Вина не менее, а если подумать, то... боже упаси! Гарик готовился к занятиям по тактике вечером в помещении кафедры. Взял материалы с изображениями в ящике с песком той местности, где предстояло расставить танковые роты и взводы, наблюдательные пункты. И вражеские батареи. Их можно было и не ставить, все равно баталью они проиграют. Проиграл Гарька. На каждой из этих доморощенных книг слева — гриф "секретно". Еще бы! Враг не должен знать, где Гарик расположил танки, а где — артиллерию. Недалеко со школьных лет он носил прозвище Пуриц. Пуриц позанимался, спрятав секретную книжку в чемоданчик, заменяющий портфель, и, расслабленный, пошел туда, куда влек его внутренний голос, голос желудка.

Однако дойти ему удалось только до угла Дерибасовской. Его как что-то стукнуло — не сдал книгу! Бегом назад. Сдаст книгу. На стене плакат "Люди, я любил вас. Будьте бдительны! Ю. Фучик". Лаборантка посмотрела на плакат, пошевелила губами, пощупала книгу, даже понюхала:

— А почему книга холодная — выносили ее на улицу?

Честный Гарик замялся:

— Да нет... так... как говорится... выходил покурить, документ секретный, не сводил глаз, а чтоб выносить... так нет, из рук не выпускал, в полном, говорится как, соответствии.

— Ну, если в полном, о чем говорить? Сдавай же — и домой! Кабинет закрываю, у меня еще работа.

И села писать донос. Блаженны пишущие по вдохновению!

И я пишу, тружусь, тружусь, вспоминаю. А что получаю взамен? Упреки, еще упреки. Самый безобидный:

— Читать противно, скачешь с пятого на десятое.

— Да, господа, ни в школе, ни в институте я дневников не вел. Мой дневник, уважаемые, — мои нейроны. А они гибнут тысячами. Они, это написано даже на плакатах, не восстанавливаются. Я ношу в себе кладбище мертвых нейронов с их усиками — аксонами, я привык к этому и уже не страдаю. Не верующих в сие отправляю на консультацию к профессору Марку Волошину, квалификация его и научный авторитет в области мозга неоспоримы. Посетив его на работе, в его киевском институте, я зрел воочию несчастных кошек с электродами в мозге, открытым настезью, явно подвергшихся абляции. Некоторые ученые утверждают, что мозг кошки далеко не всегда уступает мозгу человека, в некоторых случаях даже превосходит. Кошки ведь не пьют и не курят, не сбивают автомобилем себе подобных. Хотите оспорить? Сначала поймайте мышку.

Придется вам смириться с тем самым, что прыгает с пятого на десятое. И продолжим. К делу, господа!

Итак, я не видел его отца, но, несомненно, от него он унаследовал рост и стать, красивое лицо, мужское обаяние, обожание фразы, декламации. Особенно — фразы самой по себе, фразы, сказанной с пафосом.

В зрелые годы, собираясь вместе, не однажды заводили разговор о Гарике, о кардинальной ошибке его жизни — о неправильном выборе профессии. Нельзя ему было становиться инженером. Профессия — кроме всего — образ мышления и даже образ жизни. А его профессия изломала его, доставляла унижения, чувство неполноценности.

Как Гарик выбирал будущую профессию? А никак. Школу он окончил с золотой медалью (или серебряной?). Выбор у него был обширным. Он сидел дома и ничего не предпринимал. Мы волновались, вкалывали, сдавали экзамены и заходили к нему в свободные вечера. Когда до последнего дня приема заявок от медальистов осталось меньше недели, Гарька отнес документы в тот институт и на тот факультет, куда фактически поступи-

ли пятеро нас, одноклассников. Он стал шестым. Так мы и учились, в одной группе. Все школьные годы Дивинский означало "отличник", в институте — полная реверсия. Он стал учиться хуже нас всех и просто стал отстающим. Теперь на всю жизнь.

Его любили, о нем говорили.

Кем должен был стать Гарька, чтобы быть успешным в мире сем?

— Гуманитарием! — изрекали наши умники.

— Да что вы говорите! Как замечательно! Не инженер Дивинский, не адвокат Дивинский, не историк, не литератор, не артист Дивинский. Гуманитарий! И сколько платят на этой работе?

— Ну, хорошо, артистом.

— А вы знаете, каково поступить в ГИТИС или во ВГИК? Кроме выученной басни нужны еще огромное желание, фанатичная вера в себя. А в работе? А это труднейшая, изнурительная, иссушающая тело и душу работа. Лучше умереть, чем быть заурядным артистом. "Нужен талант", — говорите? Банально. Где он, в каком месте у человека? Талант — это поцелуй бога. А актеру необходимо уметь, парадоксальный уметь, острая наблюдательность, постоянная интровертивная еда самого себя (и всё в копилку, в торбу, как говорят в Одессе), а еще — жизненный опыт с приличной долей цинизма, а еще — воображение, способность влезть в шкуру другого, в замочную скважину, способность клясться в верности вечером и наутро предать. Нужны железные нервы, чтобы не попасть в психушку после Гамлета или Лира. Нужно, нужно, нужно... И совсем нельзя быть инфантильным мальчиком до седых волос, неприспособленным, наивным до такой степени, что об этом рассказывали анекдоты.

— А адвокатом? Говорил-то он замечательно, с пафосом!

— Говорить замечательно — для адвоката замечательно. Но что говорить? Ведь сначала нужно "копать", глубоко копать дело, разработать и выстроить тактику и концепцию защиты. Факты должны быть подлинными и "чистыми", но чуть, самую чуточку повернуть и подобраны так, чтоб не вылезать из концепции и не засвечивать белые нитки. Мало уметь говорить, надо уметь убедить. А главное — научиться брать и давать деньги. А еще — топтать ногами свою собственную душу, а еще — не замечать аморальных профессий, после них — киллеры. Лучше пожизненно страдать от мании неполноценности.

— А?

— А, как говорит народ, на писателей и директоров гастрономов не учат, ими становятся.

Гарик выбрал единственно правильный образ жизни при его характере и его сути — "плыть по течению".

Мы оба оказались в шестом "Б" классе, и я сразу полюбил его. В нем были шарм, артистизм (я не противоречу себе), необычность во всем — в движениях, в поворотах торса и головы при ходьбе, в речи, в почерке.

Его почерк — тема для диссертации. Буквы не легко узнаваемые, все линии с резкими, нервными поворотами, выкрученные, как орбиты планет у Птолемея в геоцентрической системе, с эпизодами трех порядков и пульс-деферентом. И все эти крученые знаки складывались в слова и строчки ровно, аккуратно, как иероглифы, слетающие с кончика кисточки Хиросиге.

Парень он был нервный, дерганый, готовый в любую минуту взорваться. И взрывался, особенно в минуты его погружения в себя, например, при решении задач в контрольных работах. Вот всем запомнившийся случай.

Контрольная по физике. Последняя треть урока. Наш странный учитель Федор Терентьевич устал сидеть, стоит, опершись о стул. Мертвая тишина. И свистящий шепот почти через весь класс:

— Гарик, у третьей какой ответ? — Гарик сосредоточенно писал, правая рука нервно описывала сложнейшие кривые высшего порядка. Левоу, как акула плавником, отмахивался от назойливого вопрошателя.

— Гарик, какой ответ? — резкий бросок левоу.

— Гарик...

— Пошел ты к... (площадное матерное выражение в тишине и с пафосом).

— Дивинский! — вразяжку прогундосил наш физик, — это уже не в первый...

— А вы, Федор Терентьевич, — не дал ему договорить Гарька и сам осекся. — А вы все

(начавшему хохотать классу) заткнитесь и идите на ***.

Последствий, слава богу, этот инцидент не имел.

А вот второй.

Длинный узкий коридор в нашем флигеле. Там, в школе, прозвенел звонок, а мы еще болтались в коридоре, болтали и двигались в сторону класса.

— Гарик, Арон! — он продолжал рассказывать что-то, размахивая руками.

— Гарик, Арон!

— Заткнись, осел, не *** и иди в ***, — ему кто-то осторожно положил руку на плечо, Гарик сбросил. — И ты иди... ой, здравствуйте, Арон Евсеевич.

Арон обнял его за плечи, повел в класс: — Ну зачем говохить не ***? Ну что такое не ***? Скажи: дугхак, идиёт, иди к чёгхту. А ты его пгхмяю в ***!

Никто из нас, зеленых юнцов, не подозревал, что все это — ранние симптомы болезни, омрачившей его зрелые годы.

У него всегда не получалось то, что надо делать руками. Прежде всего, это было замечено с черчением. Черт знает, что у него творилось на листах ватмана. На замечание преподавателя графики и начерталки Гарик искренно признался: "Руки плохо приспособлены к черчению". На что преподаватель, сумасшедший старик Наголкин, назидательно заявил "руками управляет голова". Я видел, как Гарик с массивной метровой линейкой пошел на него. Позвал его, он обернулся и жестом показал, что всё в порядке. В черчении мы стали по очереди помогать ему. После и по другим предметам, больше по курсовым проектам. Особенно в этом отличалась прекрасная девушка, ставшая всем нам близким другом, добрая и щедрая во всех отношениях Мария Винер (Муха). Ее любили буквально все. Умная, неунывающая, всегда готовая прийти на помощь, простая, вносящая симпатию приятным лицом с постоянной улыбкой.

Примерно через год знакомства Гарик признался ей в любви. Они гуляли по Преображенской, и он приступил к делу. Сказав главное, спросил, что она ему ответит. Муха ответила в своем стиле:

